

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА «ВЫСШИХ КОРОЛЕВСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ» КАК КЛЮЧЕВОГО ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА КАМБОДЖИ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

*Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
peter.ppj.bsu@gmail.com*

THE EVOLUTION OF THE GENRE OF "HIGH ROYAL DECREES" AS A KEY SOURCE FOR THE HISTORY OF BUDDHISM IN CAMBODIA

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: This article presents a multidisciplinary genre analysis of Cambodia's High Royal Decrees, charting their development from Angkorian stone inscriptions (9th–15th centuries) through palm-leaf legal compilations and Chbap didactic poems (15th–19th centuries), to the Ordonnance Royale issued under the French Protectorate, and finally to the modern Preah Reach Kret (royal decrees) and Preah Reach Kram (royal laws) promulgated since 1993. Combining epigraphic study, historical and socio-cultural approaches, politico-legal analysis, and critical discourse examination, the research highlights the mechanisms of sacred legitimation—transitioning from the Angkorian concept of devarāja (“divine ruler”) to the post-Angkorian ideal of dhammarāja (“righteous ruler”)—and explains how these documents have shaped Buddhist identity and the institutional framework of the Cambodian Sangha. By tracing the uninterrupted function of this genre as a conduit between monarchy and Buddhism, the article addresses a significant lacuna in Russian-language historiography and demonstrates the enduring role of royal legislation in Cambodian religious and political history.

Keywords: High Royal Decrees; royal decree; Cambodia; Buddhism; Sangha; devarāja; dhammarāja; source studies; Buddhology; religious studies.

Введение

В русскоязычной историографии под понятием «Высшие королевские постановления» (жанр документов, включающий королевские указы — Preah Reach Kret (ព្រះរាជក្រឹត្យ) и королевские законы — Preah Reach Kram (ព្រះរាជក្រម)) понимаются различные формы официальных заявлений, издававшихся монархами Камбоджи на протяжении всей истории государства. В частности, в рамках ангорского периода (IX–XV вв.) данные постановления фиксировались преимущественно в виде эпиграфических надписей (панно из камня), где в основном санскрит и древнекхмерский (в позднем ангорском периоде — иногда пали) функционировали в качестве основных носителей королевской воли. Затем,

Аннотация: В статье представлен многоплановый жанровый анализ «Высших королевских постановлений» Камбоджи, раскрывающий их эволюцию: сначала от ангорской эпиграфики (IX–XV вв.) к рукописным сводам и «Чбап» (дидактические поэмы, XV–XIX вв.), затем — к Ordonnance Royale (фр. «королевский ордонанс») периода французского протектората и, наконец, — к современному Preah Reach Kret (королевский указ) и Preah Reach Kram (закон) (с 1993 г.). На основе междисциплинарных методов (эпиграфика, исторический и социально-культурный анализ, политико-правовая методология и критический дискурс-анализ) выявлены механизмы сакральной легитимации власти (девараджи — «божественный правитель»; дхаммараджи — «праведный правитель») и роль документов в формировании буддийской идентичности и институциональной структуры Сангхи. Работа восполняет пробел в русскоязычной историографии, демонстрируя непрерывность жанра как средства взаимодействия монархии и буддизма на всех этапах истории Камбоджи.

Ключевые слова: Высшие королевские постановления, королевский указ, Камбоджа, буддизм, Сангха, девараджа, дхаммараджа, источниковедение, буддология, религиоведение.

начиная с XV по XIX вв., жанр «Высших королевских постановлений» эволюционировал: королевские директивы стали содержаться в рукописных сводах на пальмовых листьях Sastra sleuk rith (кхмерское: សាស្ត្រស្លេករិថ), включая Kbuon (кхмерское: ក្បួន) и Kram Srak (кхмерское: ក្រមស្រក), а также в дидактических «Чбап» (ច្បាប់), которые отражали этико-правовые нормы буддийской традиции Тхеравады. В эпоху французского протектората (1863–1953) жанр «Высших королевских постановлений» принял форму Ordonnance Royale («королевский ордонанс»), издававшихся и публиковавшихся преимущественно в Journal Officiel du Cambodge, что позволило создать систематизированный архив официальных актов о покровительстве буддизму. Наконец, начиная с 1993 года, жанр представлен современными Preah Reach

Kret и Preah Reach Kram, закрепленными конституционными нормами, регулирующими статус буддизма как государственной религии и назначение высших должностных лиц Сангхи (буддийской общины) [3].

В связи с изложенным **актуальность** настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа жанра «Высших королевских постановлений», позволяющего проследить, каким образом сакральная легитимация власти формировалась и закреплялась в эпиграфических носителях и рукописях на протяжении многих веков. В частности, в эпоху Ангкора (IX–XV вв.) эпиграфические надписи на санскрите и древнекхмерском языке фиксировали не только юридические акты, но становились непосредственными носителями концепции «девараджи» (божественного правителя), через которую король легитимизировал свою власть посредством объединения буддийских и индуистских мотивов. С учетом этого, анализ подобных надписей в свете современных представлений о взаимодействии государства и религии позволяет выявить механизмы, через которые сакральная власть обретала материальное воплощение и устанавливала социальный порядок. Кроме того, в период XV–XIX вв. жанр «Высших королевских постановлений» перешел в рукописные носители на пальмовых листьях, включая Kbuon (сборники правил), Kram Sruck (кодексы страны) и «Чбап» (этико-моральные поэмы), которые отражали нормы буддизма Тхеравады и формировали представления о «праведном правителе» (дхаммарадже). Данная трансформация свидетельствует о том, что буддийское учение постепенно интегрировалось в правовую и социальную структуру общества, а королевская воля распространялась уже не через каменные стелы, а посредством текстов, доступных широким слоям населения.

В свою очередь, период французского протектората (1863–1953) характеризуется тем, что жанр «Высших королевских постановлений» трансформируется в Ordonnance Royale (королевский ордонанс), где традиционная монархическая власть консолидируется с элементами колониальной бюрократии. В частности, данные указы, публиковавшиеся в Journal Officiel du Cambodge (официальный государственный вестник) и Bulletin Administratif du Cambodge, сочетали кхмерские традиции и элементы французского административного порядка, что позволяло сохранять символический авторитет короля как покровителя буддизма и вовлекать Сангху в проекты языковой стандартизации и культурного возрождения. Наконец, в период после провозглашения Камбоджи конституционной монархией (с 1993 г.) буддизм официально провозглашается государственной религией, а современные Preah Reach Kret (королевский указ) и Preah Reach Kram (королевский закон) выполняют не только административные функции (назначение сангхараджей, охрана культурного наследия), но и сим-

волически подтверждают преемственность буддийских традиций в государственном управлении [3].

При этом применение междисциплинарного подхода — эпиграфики, исторического анализа, социально-культурного анализа, политико-правового анализа и критического дискурс-анализа — предоставляет возможность выявления идеологических стратегий легитимации власти от «девараджи» до «дхаммараджи» и позволяет проследить эволюцию символической роли конституционного монарха. Для русскоязычной историографии данное исследование восполняет недостаток комплексных жанровых анализов камбоджийских королевских актов, расширяя представления о механизмах взаимодействия государства и религиозных институтов и закладывая основу для дальнейших сравнительных и цифровых исследований.

Целью исследования является междисциплинарный анализ эволюции жанра «Высших королевских постановлений» как ключевого источника по изучению буддизма в Камбодже. Для ее достижения предстоит восстановить хронологию и контекст появления королевских актов от ангорских надписей (IX–XV вв.) до современных юридических норм, выявить их форму, язык и функциональное назначение, а также оценить вклад каждого из этапов в формирование буддийского учения, институтов Сангхи и национальной идентичности. **Объектом** исследования выступают все жанровые формы «Высших королевских постановлений» Камбоджи: ангорские эпиграфические памятники (IX–XV вв.), рукописные правовые тексты (Kram Sruck) и этико-дидактические «Чбап» (XV–XIX вв.), а также современные Preah Reach Kret и Preah Reach Kram (с 1993 г.). **Предметом** исследования являются эволюционные изменения в форме, языке, содержании и функциональном назначении данных постановлений, рассматриваемых в качестве историко-религиоведческих источников, предоставляющих сведения о развитии буддизма, институциональных структурах Сангхи и процессах легитимации монархической власти через религиозные практики.

Методологическая основа базируется на глубоком анализе академических публикаций, указанных в «Библиографии», и не предполагая работу с неизданными архивными материалами. Ключевые методы включают исторический анализ для восстановления хронологии и причинно-следственных связей [2; 12], социально-культурный анализ для изучения воплощения буддийских норм в общественной практике [1; 7], политико-правовой анализ для выявления механизмов регулирования взаимоотношений государства и Сангхи [3; 10–11], а также критический дискурс-анализ для вскрытия идеологических конструкций в тексте актов [13]. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий эпиграфику, филологию, историю и религиоведение.

Научная новизна работы состоит в том, что в русскоязычной историографии впервые проведен целостный жанровый анализ «Высших королевских постановлений» Камбоджи. При этом анализ объединяет эпиграфику ангорского периода, рукописные своды Средневековья и современные Preah Reach Kret/Preah Reach Kram, рассматривая их как непрерывный процесс эволюции форм, языка и функций королевских актов. Такой подход позволяет увидеть эти документы не только как правовые инструменты, но и как важнейшие свидетельства взаимодействия монархии и буддийских институтов на всех этапах истории, включая периоды французского протектората и современную конституционную монархию. Кроме того, предложена междисциплинарная методика, объединяющая исторический, социально-культурный и политико-правовой анализ с критическим дискурс-анализом, что позволяет выявить идеологические стратегии легитимации власти через религиозно-правовую риторику от «девараджи» до «дхаммараджи» и вплоть до символической функции конституционного монарха.

Обзор литературы

Исследование королевских постановлений Камбоджи в контексте истории буддизма охватывает несколько взаимосвязанных направлений: ангорские эпиграфические памятники, постангорские рукописные своды, колониальное наследие и современный правовой статус буддизма. Анализ существующих работ позволяет выявить степень разработанности темы и определить, где требуется дальнейшее углубление.

Ангорский период (IX–XV века) стал объектом интенсивного изучения благодаря трудам, ориентированным на эпиграфику и религиозную политику монархов, таким как [2; 12–14]. В «Истории Камбоджи» изложена общая политическая картина, включающая религиозные практики правителей, их дарения храмам и организационные реформы [2, с. 45–78]. И. В. Маббетт в «Kingship in Angkor» исследует концепцию «девараджи» (божественного правителя) и показывает, как через надписи на камне монархи легитимировали свою власть, сочетая индуистские и буддийские элементы [12]. В статье «Garuda, Vajrapāṇi and Religious Change in Jayavarman VII's Angkor» анализируются изменения религиозной идеологии при Джаявармане VII, зафиксированные в храмах и соответствующих надписях, что свидетельствует об активном переходе к буддизму Махаяны [13, с. 111–151]. В «The Reign of Sūryavarman I and Royal Factionalism at Angkor» М. Викери рассматривает внутренние придворные конфликты и влияние различных религиозных групп, которые четко видны в надписях, фиксирующих распределение даров и назначения храмового персонала [14]. Т. Уокер в статье «Carved Chants and Sermons on Stone» подчеркивает, что эпиграфические памятники служат источником сведений о распространении буд-

дийской литературы и о практиках распространения учения через храмы и монастыри Камбоджи XIII–XV веков [16, с. 57–93]. Таким образом, ангорские надписи представлены как основная база для понимания способов легитимации монархической власти через религиозную символику и управление храмовым хозяйством.

В постангорский период (XV–XIX века) эпиграфическая традиция уступает место рукописным сводам («Крам») и дидактическим «Чбап» (этико-дидактическим поэмам). Фундаментальные работы И. С. Харриса «Cambodian Buddhism: History and Practice» и «Buddhist Sangha Groupings in Cambodia» дают представление о развитии буддизма Тхеравады, о структурах Сангхи и об их взаимодействии с государством в этот период [6–7]. Публикации в сборнике «Buddhism, Power and Political Order» раскрывают, как «Крам» служили сводами правовых норм, основанных на буддийской этике, а «Чбап» формировали моральный и социальный кодекс поведения, призванный объединять общество вокруг буддийских ценностей [1]. Особо выделяется тот факт, что рукописные «Крам» содержат предписания о взаимоотношениях между монашествующими и мирянами, что отражено в манускриптах, дошедших до XIX века. Социокультурный анализ «Крам» демонстрирует, что они играли роль посредников между традиционной властью и буддийскими институтами, переводя практические указания в юридические нормы и письменного оформления.

Колониальный период (1863–1953) характеризуется трансформацией королевской власти и появлением новых форм административных актов. В работе «The Passing of Sihanouk: Monarchic Manipulation and the Search for Autonomy» Дж. Ганна показано, как Нородом Сианук использовал символический авторитет монархии для сохранения автономии в условиях французского протектората, в том числе через покровительство буддизму и Сангхе [5]. Б. Лоуренс в «Saffron Suffrage: Buddhist Monks and Constitutional Politics in Cambodia» анализирует участие монахов в процессах конституционного строительства в середине XX века, что отражено в колониальных и ранних постколониальных документах [11, с. 259–283]. В статье «Reconstituting the Divided Sangha» он детализирует восстановление Сангхи после колониального периода и ее регламентацию государством, уделяя внимание орденам Маханикай и Тхаммают, чьи уставы и назначения фиксируются в королевских указах и колониальных ордонансах [10, с. 220–238]. Эти работы демонстрируют, что в колониальный период королевские постановления обретали форму «королевских ордонансов» (Ordonnance Royale), издаваемых под контролем французской администрации, но продолжавших выполнять функцию легитимации монархии через покровительство буддизму.

Современная Камбоджа со дня обретения независимости (1953 г.) представлена исследованиями, посвященными конституционному статусу буддизма, роли монархии и взаимодействию государства с Сангхой. Официальный текст «Constitution of the Kingdom of Cambodia» закрепляет буддизм как государственную религию, устанавливая правовые основы для Preah Reach Kret (королевского указа) и Preah Reach Kram (королевского закона) [3]. А. Гийу в статье «Khmer Potent Places: Pāramī and the Localisation of Buddhism and Monarchy in Cambodia» исследует, как через законодательные акты и королевские указы осуществляется локализация буддизма и монархии в национальной идентичности, обращая внимание на «парами» (парами — совершенные добродетели) как ключевой элемент религиозно-идеологической практики [4, с. 1–23]. Эти исследования показывают, что современные Preah Reach Kret и Preah Reach Kram играют роль правовых механизмов закрепления церемониальной и символической роли монарха, а также регламентируют назначения сангхараджей и защиту религиозного наследия.

Важной темой выступает идея царской власти и ее религиозного обоснования. Й. Джон в «The Idea of Kingship in Buddhist Cambodia» раскрывает, как концепция девараджи трансформировалась в буддийском контексте, фиксируясь в надписях и ритуалах, и как формировались представления о правителе как о защитнике Дхаммы [8, с. 1–17]. В своих исследованиях П. Д. Шаррок и М. Викери иллюстрируют, как через синкретизм индуистских и буддийских элементов в иконографии и эпиграфике обеспечивалась сакрализация монархической власти [13–14]. Эти работы демонстрируют, что королевские постановления выступали одновременно и юридическими, и сакральными актами, предназначенными для укрепления престижности и легитимности короля.

Заметный вклад в тему внесли исследования, посвященные палийским переводам и билингвальным практикам. К. Сованратана в докладе «Pāli Tipiṭaka Translation into Khmer» описывает этапы перевода Палийского Типитаки на кхмерский язык и его значение для унификации учения Тхеравады в Камбодже [9]. В «Bilingualism: Theravāda Bitexts across South and Southeast Asia» Т. Уокер анализирует, как билингвальные палийско-кхмерские тексты создавали основу для распространения буддийских канонов и влияния «Крамов» и «Чбап» на религиозное образование [15, с. 271–284]. Эти исследования подчеркивают, что языковые аспекты перевода оказали значительное влияние на жанровые формы «Высших королевских постановлений».

Гендерные и социокультурные аспекты буддизма в Камбодже рассмотрены в работе Т. Уокера «Khmer Nuns and Filial Debts», где анализируется социальная роль кхмерских монахинь и их взаимодействие с родствен-

ными обязательствами и освещается, как через «Чбап» и церемонии монастырей формировались общественные нормы [17, с. 1–14]. Эти данные важны для понимания того, как королевские постановления могли воздействовать на жизненные практики различных социальных групп, включая женщин и монахинь.

Уровень изученности темы демонстрирует, что ангорский корпус эпиграфических памятников широко изучен [12–14; 16], но имеются пробелы в применении междисциплинарных подходов и интеграции эпиграфики с другими видами источников. Постапгорские «Крамы» и «Чбап» осуществляют переход от камня к рукописному корпусу, и хотя они изучены [1; 6–7], количество доступных манускриптов ограничено из-за утраты многих из них. Колониальный период освещен менее полно, и хотя работы Дж. Ганна и Б. Лоуренса описывают политико-религиозные процессы [5; 11, с. 263–264], вопросы формальной структуры колониальных и постколониальных королевских указов требуют дальнейшего анализа. При этом современные исследования подчеркивают конституционный статус буддизма, но детальный жанровый анализ современных Preah Reach Kret и Preah Reach Kram остается задачей настоящей работы.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования установлено, что жанр «Высших королевских постановлений» в Камбодже прошел сложный путь эволюции, сохраняя при этом неизменную функцию посредника между королевской властью и буддийскими институтами. Рассмотрение источников различных исторических периодов позволяет выделить ключевые изменения в форме, содержании и социальной функции подобных документов, их влияние на развитие буддизма и укрепление национальной идентичности. В представленной работе регистрируются не только формальные характеристики «Высших королевских постановлений», но и их вклад в трансформацию религиозной, правовой и культурной жизни Камбоджи.

Ангорский период (IX–XV вв.) оказался временем становления государства, где «Высшие королевские постановления» преимущественно фиксировались в виде эпиграфических надписей на камне. Фокус анализа был направлен на выявление способов легитимации власти через религиозную эпиграфическую символику. Применение санскрита и древнекхмерского языка, часто в сочетании стиховых и прозаических формулярных конструкций, позволяло королевским повелениям охватывать как сакральный, так и практический уровень управления [12; 14; 16]. В результате глубокой дедукции установлено, что надписи эпохи Джаявармана VII отражают переход от синкретических индуистско-буддийских форм легитимации к более явному проявлению махаянских мотивов, где покровительство буддизму ста-

новится неотъемлемой частью концепции девараджи (божественного правителя) [13]. Надпись из Ват Ситхор времен правления Раджендравармана (944–968 гг.) подробно регулирует поведение монахов и мирян в интересах поддержания трех драгоценностей (триратна), подчеркивая практическую роль государя в регламентации религиозной жизни [16, с. 57–93]. Анализ показывает, что ангорские «Высшие королевские постановления» одновременно служили юридическими свидетельствами о передаче земельных даров храмам и идеологическими декларациями, укреплявшими сакральный статус монарха и его покровительство буддийским институтам [12; 16]. Подобные акты, воплощенные в долговечном материале, демонстрировали намерение короны обеспечить непреходящую связь между монархией и религией, что активно формировало государственную религиозную политику.

Средний период (XV–середина XIX вв.) характеризуется снижением количества каменных надписей и переходом к рукописным традициям. Главными носителями «Высших королевских постановлений» стали манускрипты на пальмовых листьях, включая Kbuon и Kram Srak, а также дидактические «Чбап» (Chbar), закреплявшие этико-правовые нормы, основанные на буддийской морали Тхеравады [1; 6–7]. Системный анализ текстов Kram Srak (кодексов страны) показывает, что королевская власть поддерживала кодификацию норм, где буддизм выступал основным источником моральных предписаний, а король в образе дхаммараджи (праведного правителя) обеспечивал их соблюдение [1]. Важной особенностью этого периода является развитие жанра «Высших королевских постановлений» как инструментов не столько прямого государственного управления храмами, сколько формирования общественных представлений об идеальном поведении, что выразилось в «Чбап» как поэтических кодексах [7]. Рукописные источники, несмотря на утрату многих отдельных экземпляров, дают основания полагать, что королевская воля распространялась через литературно-правовые текстовые комплексы, интегрированные в деятельность монастырей и придворных кругов [15, с. 271–284]. В результате «Высшие королевские постановления» Среднего периода выступают как носители буддийских и государственных ценностей одновременно, отражая переход к модели, в которой Сангха обладала определенной автономией, а королевский авторитет осуществлялся через призму распространения моральных норм.

Французский протекторат (1863–1953) привел к значительному сокращению суверенитета короля, однако «Высшие королевские постановления» сохраняли свое значение для буддийских институтов. Анализ бюрократических актов показывает, что в период протектората Preah Reach Kret (часто реализуемые в форме Ordonnance Royale — «королевские ордонансы») изда-

вались под контролем и при участии французских властей, что порождало двойственность — король оставался духовным опекуном буддизма, а фактическая власть все больше смещалась к колониальной администрации [5]. Публикации в Journal Officiel du Cambodge и Bulletin Administratif du Cambodge создавали формализованную и систематически документированную летопись королевских актов, связанных с Сангхой, что позволило получить более полное представление о государственной политике в отношении буддизма [11, с. 259–283]. Создание Буддийского института (1930 г.) и проекты по стандартизации кхмерского языка свидетельствуют о том, что посредством королевских ордонансов формализовалось участие Сангхи в культурных и образовательных инициативах, что армировало роль буддизма в национальной идентичности [10, с. 220–238]. Указы, которые предписывали создание комитетов для редактирования словарей, назначение сангхараджей и восстановление священных границ ординационных храмов (сима), демонстрируют, как колониальная администрация стремилась сохранить символический авторитет монархии, одновременно снижая ее политическую самостоятельность [3; 10]. Таким образом, «Высшие королевские постановления» колониального периода продолжают служить связующим звеном между традиционной властью и буддийской Сангхой, однако в новой административной форме, отражающей сочетание королевских санкций и французского влияния.

Современная Камбоджа, провозглашенная независимым государством в 1953 г., представляет собой конституционную монархию, где роль «Высших королевских постановлений» переосмыслена в рамках правового поля Preah Reach Kret и Preah Reach Kram. Важнейший результат анализа заключается в том, что Preah Reach Kret (исполнительные указы) и Preah Reach Kram (законы) стали основными механизмами, с помощью которых конституционный монарх формально осуществляет покровительство буддизму и определяет статус Сангхи [3]. Конкретные примеры Preah Reach Kret, касающиеся защиты религиозного наследия, например Preah Reach Kret NS/RKT/1214/1488 (24 декабря 2014 г., об охране Самбор Прей Кука), демонстрируют, что, несмотря на церемониальный характер власти короля, такие постановления сохраняют высокий символический и институциональный вес [4]. Механизмы назначения сангхараджей и регулирования деятельности монастырей, закрепленные в Preah Reach Kret, отражают устойчивость древних традиций, объединенных с современными государственными структурами [3–4]. Анализ показывает, что новые правовые формы не нивелировали значимости «Высших королевских постановлений» как «символического языка власти», обеспечивающего связь между государством, обществом и религиозными институтами.

Среди современных вызовов выявлено, что Preah

Reach Kret и Preah Reach Kram часто формируются по предложению Совета министров, что создает динамику, при которой содержание «Высших королевских постановлений», касающихся буддизма, зависит от приоритетов исполнительной власти [3]. Это может вызывать неявное напряжение между символической ролью монарха как дхаммараджи и реальной политической волей правительства [3–4]. В то же время выявлено, что любые попытки диалога между государством и Сангхой сегодня опираются именно на «Высшие королевские постановления», что подчеркивает их непрерывную релевантность и способствует укреплению социальной сплоченности и национального самосознания на уровне всей страны.

Синтез полученных результатов показывает, что несмотря на смену носителей и формы «Высших королевских постановлений» — от эпиграфических надписей, рукописных сводов до конституционных указов и законов — их центральная функция как инструмента легитимации власти и регуляции взаимоотношений государства с буддийскими институтами остается неизменной. В каждом периоде они адаптировались под новые реалии: в Ангкоре — через эпиграфическое каменное письмо, укреплявшее божественный статус монарха [12]; в Средний период — через тексты на пальмовых листьях, фиксирующие переход к Тхераваде и морально-правовым нормам [1; 7]; в колониальную эпоху — через официальные журналы, в которых французские и кхмерские власти формально сотрудничали в вопросах покровительства Сангхе [11]; в современной Камбодже — через Preah Reach Kret/Kram, закрепляющие буддизм как государственную религию, несмотря на изменение характера монархии [3–4].

В рамках обсуждения важно отметить, что «Высшие королевские постановления» сохраняют способность формировать позитивное отношение к истории буддизма и к роли монашества в обществе. Устойчивость жанра демонстрирует, что буддизм всегда воспринимался как фундаментальный элемент камбоджийской идентичности, и хотя формы выражения изменялись, желание сохранять гармонию между государственностью и религиозными институциями оставалось неизменным [17, с. 1–14]. Позитивная динамика взаимопонимания между государством и Сангхой особенно заметна в современных механизмах, где Preah Reach Kret и Preah Reach Kram стремятся обеспечивать баланс между религиозными свободами и общественными интересами [3].

Несмотря на богатство изученных материалов, выявлены направления для дальнейшей работы. Одно из них — углубленный анализ роли «Высших королевских постановлений» на местном уровне, где формирование и исполнение указов взаимодействовали с народными буддийскими практиками, что, в свою очередь, влия-

ло на их эффективность и восприятие обществом [16]. Другим аспектом является необходимость сравнительных исследований с аналогичными жанрами в соседних буддийских королевствах (Таиланд, Лаос, Бирма), что позволит выявить региональные особенности и общее наследие тхеравадской традиции [8; 15]. Кроме того, современные цифровые методологии (цифровой анализ текстов, пространственно-временное картирование) открывают перспективы более детального учета массового архива надписей и рукописей, что позволит выявить ранее не заметные закономерности [1; 16].

Таким образом, «Высшие королевские постановления» представляют собой не просто исторические документы, а живую традицию, которая продолжает эволюционировать, интегрируясь в современные государственные институты и культурные практики Камбоджи. Их значение для изучения буддизма заключается в том, что они фиксируют не только формальные правовые нормы, но и идею гармоничного сосуществования религии и государства, направленного на общее благо и духовное развитие общества. В свете проведенного исследования становится очевидным, что жанр «Высших королевских постановлений» способен не только отражать исторические изменения, но и содействовать укреплению позитивного отношения к буддизму, создавая надежду на дальнейшее процветание культурно-религиозного наследия Камбоджи.

Заключение

В заключение следует констатировать, что проведенное исследование жанра «Высших королевских постановлений» в Камбодже позволило комплексно проследить трансформацию формальных механизмов легитимации власти через религиозно-правовые тексты на протяжении более чем тысячелетней истории. Начинаясь в эпоху Ангкора (IX–XV вв.) с эпиграфических надписей на камне, продолжаясь в Средневековье (XV–XIX вв.) рукописными сводами на пальмовых листьях (Sastra sleuk rith) и финально завершаясь в современную эпоху (с 1993 г.) Preah Reach Kret (ព្រះរាជក្រឹត្យ) и Preah Reach Kram (ព្រះរាជក្រម), жанр «Высших королевских постановлений» неизменно выступал главным мостом между монархической властью и буддийскими институтами, обеспечивая преемственность религиозных норм и поддерживая социальную и политическую стабильность государства.

Во-первых, в ходе анализа ангорского корпуса эпиграфики была выявлена многослойная природа королевских надписей, где санскрит служил высшей сакральной формой легитимации (концепция «девараджи»), а древнекхмерский и палийский языки передавали конкретные нормативные предписания по управлению храмовыми хозяйствами, распределению земельных

даров и регулированию жизни монастырей [12–13; 16]. Эти надписи, зачастую сопровождавшиеся проклятиями и метафорами буддийской триратны, демонстрировали стремление династии поддерживать божественное обоснование власти, сочетая индуистские и буддийские мотивы для укрепления авторитета монарха. Таким образом, эпиграфика Ангкора представляла собой не просто юридические акты, но и сложный идеологический инструмент, где сакральное слово монарха через вкрапления буддийской символики закрепляло общественный порядок и обеспечивало беспрецедентную долговечность этих постановлений.

Во-вторых, переход к Средневековью (XV–XIX вв.) и связанная с этим утрата монументальной эпиграфики обусловили смещение жанра «Высших королевских постановлений» в сферу рукописных традиций. В частности, своды *Kbuon* (сборники правил) и *Kram Sruk* (кодексы страны) стали основными носителями правовых норм, базирующихся на буддийской этике, где проявился новый образ «праведного правителя» (дхаммараджи). При этом дидактические «Чбап» (этико-моральные поэмы) заняли значимое место в формировании общественного сознания, распространяя идеи буддийской морали не только среди монастырских элит, но и среди мирян [1; 7]. Рукописные тексты демонстрировали адаптацию жанра: королевская воля распространялась уже не через каменные стелы, а через литературно-правовые источники, доступные монастырям и придворным кругам. Именно эта литература фиксировала нормы поведения для монахов и мирян, обязывая соблюдать принципы Винаи (монашеской дисциплины) и джати (моральных добродетелей) в повседневной жизни. Следует подчеркнуть, что сохранение рукописных «Крам» и «Чбап» позволяет проследить непрерывающуюся линию легитимации власти, даже несмотря на разорение и политическую нестабильность, характерные для постангорского периода.

В-третьих, эпоха французского протектората (1863–1953) принесла новую форму «Высших королевских постановлений» в виде *Ordonnance Royale* (королевских ордонансов), которые сочетали элементы традиционной камбоджийской легитимации и французской административной бюрократии [5; 11]. Эти изменения отражали двойственную природу власти: с одной стороны, король сохранял символическую роль духовного покровителя буддизма, с другой — реальная административная власть все более переходила к колониальным властям. Информативное значение *Ordonnance Royale* заключается в том, что они одновременно документировали формальное участие Сангхи в колониальных проектах (стандартизация языка, создание Буддийского института), и демонстрировали способность королевской власти консолидироваться под давлением извне, сохраняя традиционные каналы влияния на буддийскую церковь. Публикация королевских ордонансов в *Journal Officiel*

du Cambodge и *Bulletin Administratif du Cambodge* создала уникальный источник для изучения взаимодействия между колониальной администрацией и местными религиозными элитами, а также позволила исследовать, каким образом буддийское монашество (Сангха) адаптировалось к новым условиям государственного управления.

В-четвертых, с момента провозглашения Камбоджи конституционной монархией (1993 г.) жанр «Высших королевских постановлений» получил современное воплощение в *Preah Reach Kret* и *Preah Reach Kram*, фиксированных в конституционных и законодательных актах [3–4]. В современных реалиях король осуществляет преимущественно церемониальную функцию, но порядка назначений высших должностных лиц Сангхи, охраны религиозных объектов и защиты культурного наследия осуществляется через тонко настроенную систему *Preah Reach Kret/Kram*. Эти акты не только формально закрепляют статус буддизма как государственной религии, но и символически подтверждают преемственность буддийских традиций, интегрированных в государственный строй. При этом политико-правовой и критический дискурс-анализ современных *Preah Reach Kret/Kram* выявляет скрытую динамику взаимодействия между монархией и исполнительной властью: содержание указов во многом определяется перспективами правительства, что диктует необходимость дальнейшего сопоставления символической функции короля с реальным влиянием на религиозные институты.

Стоит подчеркнуть, что в ходе исследования выявлена единство ключевых функций жанра «Высших королевских постановлений» независимо от исторического периода: от сакральной легитимации через концепцию «девараджи» и «дхаммараджи» до современного «символического языка власти», обеспечивающего взаимодействие государства и буддийских институтов. В каждом из рассмотренных этапов жанр адаптировался к политическим, социальным и технологическим изменениям: от долговечного каменного письма Ангкора (IX–XV вв.) до рукописных текстов на пальмовых листьях (XV–XIX вв.), вплоть до официальных публикаций *Ordonnance Royale* и конституционализированных *Preah Reach Kret/Kram* (с 1993 г.). При этом неизменным оставалось стремление государя легитимизировать и защищать буддизм как краеугольный камень национальной идентичности и общественного порядка.

Данный вывод подчеркивает необходимость продолжения исследования жанра «Высших королевских постановлений» в более широком сравнительном контексте. В частности, важным направлением является сопоставительный анализ аналогичных жанров в соседних буддийских странах Юго-Восточной и Южной Азии: Таиланда (где оперативная роль королевских указов в назначении

сангхараджей также продолжает оставаться значимой), Лаоса, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мьянмы (Бирме), Бутана, Шри-Ланки, Непала, Японии и ряда других государств. В этих системах «Высшие королевские постановления» выполняли схожие функции — от сакрального обоснования власти до регулирования статуса религиозных институтов — однако их конкретный жанровый облик, языковое оформление и формы публикации могут существенно отличаться. Исследование жанра в Таиланде, где королевский указ (พระบรมราชโองการ, พระราชกฤษฎีกา) продолжает играть ключевую роль в поддержании связи между монархией и Сангхой, может дать ценные методологические ориентиры для русскоязычной историографии, а также послужить отправной точкой для моей кандидатской диссертации «Высшие королевские постановления как источники по

изучению буддизма Таиланда».

Таким образом, жанр «Высших королевских постановлений» в Камбодже выступает не просто источником для изучения истории буддизма, но и универсальным инструментом анализа религиозно-политической динамики, сохранившим свою функциональную нагрузку от эпохи Ангкора до современности. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие тематики потребует углубленного сопоставительного рассмотрения аналогичных жанров в других буддийских странах, расширения географических рамок анализа, а также активного использования цифровых методологий для повышения точности и глубины научного понимания механизма легитимации власти через религиозно-правовые тексты в разных историко-культурных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buddhism, Power and Political Order / ed. by I. Harris. — London; New York: Routledge, 2007. — 237 p.
2. Chandler D. A History of Cambodia. — 4-е изд. — Boulder: Westview Press, 2008. — 365 p.
3. Constitution of the Kingdom of Cambodia = Constitution du Royaume du Cambodge: promulgated 21 September 1993 / Senate Secretariat. — Phnom Penh: Senate Secretariat, 2008. — 33 p. — URL: <https://www.mfaic.gov.kh/files/uploads/2Z87AY0063VI/Constitution%20of%20the%20Kingdom%20of%20Cambodia.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).
4. Guillou A. Khmer Potent Places: Pāramī and the Localisation of Buddhism and Monarchy in Cambodia // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. — 2017. — Vol. 18. — P. 1–23. — DOI: 10.1080/14442213.2017.1375553.
5. Gunn G. The Passing of Sihanouk: Monarchic Manipulation and the Search for Autonomy // *Asia-Pacific Journal*. — 2012. — Vol. 10, Iss. 50, № 1. — P. 1–26.
6. Harris I. Buddhist Sangha Groupings in Cambodia // *Buddhist Studies Review*. — 2001. — Vol. 18, № 1. — P. 73–106. — DOI: 10.1558/bsrv.v18i1.14469.
7. Harris I. C. *Cambodian Buddhism: History and Practice*. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. — 352 p.
8. Jeong Y. The Idea of Kingship in Buddhist Cambodia // *Kyoto Review of Southeast Asia*. — 2011. — Iss. 11 (March). — P. 1–17.
9. Khy Sovanratana. Pāli Tipiṭaka Translation into Khmer: A Watershed of Achievements in Cambodian Buddhism // *International Tipiṭaka Translation Conference*. — 2014. — 12 p. — URL: <https://dn790006.ca.archive.org/0/items/TipitakaTranslationConference/7%20Pali%20Tipitaka%20Translation%20in%20Khmer%20%28Ven.%20Prof.%20Dr.%20Ky%20Sovanratana%29.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).
10. Lawrence B. Reconstituting the Divided Sangha: Buddhist Authority in Post-Conflict Cambodia // *Buddhism and Constitutional Law* / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — P. 220–238. — DOI: 10.1017/9781009286022.015.
11. Lawrence B. Saffron Suffrage: Buddhist Monks and Constitutional Politics in Cambodia // *Journal of Law and Religion*. — 2022. — Vol. 37, № 2. — P. 259–283. — DOI: 10.1017/jlr.2022.16.
12. Mabbett I. W. Kingship in Angkor // *Journal of the Siam Society*. — 1978. — Vol. 66, № 2. — P. 1–58.
13. Sharrock P.D. Garuḍa, Vajrapāṇi and Religious Change in Jayavarman VII's Angkor // *Journal of Southeast Asian Studies*. — 2009. — Vol. 40, № 1. — P. 111–151. — DOI: 10.1017/S0022463409000083.
14. Vickery M. The Reign of Sūryavarman I and Royal Factionalism at Angkor // *Journal of Southeast Asian Studies*. — 1985. — Vol. 16, № 2. — P. 226–244.
15. Walker T. Bilingualism: Theravāda Bitexts across South and Southeast Asia // *The Routledge Handbook of Theravada Buddhism* / ed. by A. Thompson, S. Berkwitz. — London: Routledge, 2022. — P. 271–284. — DOI: 10.4324/9781351026666-22.
16. Walker T. Carved Chants and Sermons on Stone: Epigraphic Evidence for Buddhist Literature in Middle Cambodia // *Udaya, Journal of Khmer Studies*. — 2020. — № 15. — P. 57–93.
17. Walker T. Khmer Nuns and Filial Debts: Buddhist Intersections in Contemporary Cambodia // *Religions*. — 2022. — Vol. 13, № 10, Art. 897. — P. 1–14.

© Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) (peter.ppj.bsu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»